

Натиг Расулзаде

Бортоломео

Натиг Расулзаде

Бортоломео

«PEN-клуб»

Расулзаде Н.

Бортоломео / Н. Расулзаде — «PEN-клуб»,

«Так его звали. Его дед много лет назад принимавший участие в большой войне, которая долгое время называлась Великая отечественная, (и ввиду того, что отечество сузилось до пределов небольшой республики, которая теперь сама была в состоянии войны с соседней, сейчас ту войну, отодвинутую в памяти людской на задний план в связи с новыми бедами и проблемами, называли Большой войной с немцами, с фашистами), так вот – дед, носивший вполне обычное для своего народа имя, принимал участие в итальянском сопротивлении после побега из фашистского концлагеря, а внука от самого младшего своего сына назвал в честь погибшего итальянского друга. Когда мальчик родился, дед настоял на своем решении, несмотря на уговоры сына назвать малыша в честь его, деда – Джавидом...»

© Расулзаде Н.

© PEN-клуб

Натиг Расулзаде

Бартоломео

рассказ

Так его звали. Его дед много лет назад принимавший участие в большой войне, которая долгое время называлась Великая отечественная, (и ввиду того, что отечество сузилось до пределов небольшой республики, которая теперь сама была в состоянии войны с соседней, сейчас ту войну, отодвинутую в памяти людской на задний план в связи с новыми бедами и проблемами, называли Большой войной с немцами, с фашистами), так вот – дед, носивший вполне обычное для своего народа имя, принимал участие в итальянском сопротивлении после побега из фашистского концлагеря, а внука от самого младшего своего сына назвал в честь погибшего итальянского друга. Когда мальчик родился, дед настоял на своем решении, несмотря на угрозы сына назвать малыша в честь его, деда – Джавидом.

– У нас уже есть Джавид и не один, благодаря плодовитости моих невесток, – напомнил он сыну. – А этого я назову в честь моего друга, погибшего на той войне... Помните фильм «На дальних берегах»? – обращался он уже ко всему семейному совету, собравшемуся, чтобы урезонить его, – Я, правда, не легендарный Михайло, но тоже внес свою маленькую долю в победу над фашистской Германией, мы с моим другом Бартоломео внесли, он погиб, правда, меня не было тогда рядом с ним, я был на другом задании, но мы с ним дружили, вместе сражались в одном партизанском отряде и вместе внесли свой вклад в дело победы...

Пугаясь его красноречия, которое могло далеко и надолго увести, родные, не желая выслушивать то, что давно успело пройти три стадии – потрясти, стать привычным, надоест – послушно кивая, медленно расходились по своим делам, а новоиспеченный (в который раз!) дед (подошло бы – плохо испеченный, ввиду того, что родился внук больным, что пока еще на первых порах было не очень заметно) продолжал некоторое время рассказывать подоконнику, шкафу, вешалке, стулу, самому себе, смакуя наиболее яркие эпизоды сражений далекой войны, во время которой испытывал пронзительное чувство интернационализма, воодушевившее его настолько, что он временно ощутил себя итальянцем. Кстати, язык в ту пору знал неплохо, научился говорить, разумеется, на бытовом уровне, на военно-бытовом, так сказать.

– Чудаковатый старик, – говорили, отчасти оправдывая его, родные.

– Но почему его чудаковатость должна была отразиться именно на моем сыне?! – старался возражать младший сын Джавида, и уже обращаясь конкретно к отцу, приводил как ему казалось, неопровержимые доводы. – У тебя до него были внуки, назвал бы...

– Тогда нельзя было, – оправдывался Джавид, но с вполне серьезным видом, будто втолковывал неразумному сыну тогдашнюю политическую обстановку, – не так бы поняли... Все-таки, советское время, разные запреты на все. Цензура, одним словом... А теперь мы, слава Аллаху, живем в своей независимой стране, у нас свобода слова, свобода вероисповедания, свобода имен, так что...

Короче – называли. Малыш, как малыш, но по мере того как рос, оправдались тревожные ожидания близких: выяснилось – дауна. Печально. Дауна. Да еще с таким необычным для этих сельских мест именем. Родился, надо сказать и рос в большом, благоустроенном селе, далеко от столицы государства, но и сюда в последние лет десять беспрепятственно доходила любая информация, заставляя сельских жителей не отставать в своем развитии от городских. Американские фильмы, наводнившие телеканалы, масса ежедневной негативной информации о положении в республике, в прифронтовой зоне, о положении в мире, об очагах напряженности и горячих точках планеты – все это невольно задавало ритм жизни, за которым еле поспевали сельчане старшего возраста; а молодые, чтобы поспевать попросту прощались с дере-

венской жизнью и уезжали в город, приноравливаясь к городским темпам и ритмам, воткнув наушники в уши, а глаза воткнув в мобильники, создавая опасную ситуацию на проезжей части улиц большого города, который им казался Парижем, Нью-Йорком, Лондоном, хотя эти города они пока видели только в кино.

Бортоломео рос, и до его пятнадцати лет все шло более или менее нормально, если только у больного мальчика что-то могло идти нормально, но... родители привыкли к его виду, к его смутной, поначалу непонятной речи, к его добрым улыбочивым глазкам, вечно слюнявому рту, к скорбно опущенной голове без шеи, когда он на что-то обижался, к неожиданным вспышкам ярости, когда он мог выкинуть – и выкидывал! – черт знает что, ко многому привыкли; тем более, что здесь в сельской местности браки между родственниками не были в новинку, и женились и выходили замуж порой за близких родственников, порождая кретинов. Это считалось обычным делом среди сельчан, жалели задним числом, страдали, но мало кто хотел отойти от этого обычного дела, и все шло своим чередом. Так что, Бортоломео, был не единственным, так сказать, в своем роде, но от этого, понятное дело, было не легче его родным, отцу, матери, и особенно деду, который хотел бы, конечно, видеть носителем имени своего итальянского друга, погибшего, но внесшего лепту в дело уничтожения фашизма на планете, мальчика умного, красивого, здорового, но... Получилось то, что получилось, ничего тут не поделаешь. Не надо было жениться на троюродной сестре, – думал он про сына с горечью, но мысли не высказывал вслух, помня, что и сам он был женат на родственнице, благополучно скончавшейся лет пять назад, оставив мужа с его поздним раскаянием, но в то же время с сознанием того, что им с детьми повезло – все восемь мальчиков и две девочки родились нормальными, Бог миловал; мало того – дети выросли деловыми, предприимчивыми, энергичными, оказались, можно сказать, именно в своем, предназначенном им, времени, были истинными детьми своего века... Хотя, как ни странно, никто из них особо не стремился в большой город, где можно было еще ярче проявить себя, как стремились многие молодые сельчане; они и здесь у себя дома, точнее – в районном центре, постепенно обретавшим статус города, чувствовали себя достаточно востребованными, проявляли большую активность: открывали магазины, аптеки, торговали на рынке, фрукты и овощи из села переправляли в город грузовиками в большом количестве и там вполне выгодно продавали оптовикам, одним словом – торговали и наживались, и постепенно обрастали движимым и недвижимым на радость главе рода, и вконец окончательно обросли. Две дочери Джавида тоже были устроены, вполне удачно выходили замуж, их, однако, мужья увезли в столицу, в большой город, переходящий уже постепенно в мегаполис, и в этом большом городе с открывающимися (в связи с переходом в другую политическую формацию и отходом от надоевшего, затхлого, прогнившего и изжившего себя социализма, который постоянно стремился к эфемерно-туманному коммунизму) огромными возможностями они тесно сотрудничали с братьями своих жен, с шуринами, так сказать, привозившими из села необходимые для пропитания города продукты сельского хозяйства. Одним словом, дело шло, торговля шла успешно, как и должна была идти, учитывая, что подавляющая часть людских масс в этой стране – а дети Джавида относились именно к подавляющей части – (за исключением вшивой интеллигенции, которая становилась к этому времени все более вшивой) как раз в деле торговли собаку съела с самого можно сказать детства, с младых, можно сказать, ногтей, и съеденная в детстве собака давала хорошие плоды, так что – обогащались, и попутно плодились и размножались на радость главе рода. Кстати, надо отметить, равнинное селение, откуда был родом Джавид отнюдь не славилось своими долгожителями, как многие горные селения в республике, где старожилам было за девяносто, под сто лет, и возраст дедушки Джавида, подползавший к восьмидесяти, считался вполне приличным для аксакала, представителя этих сельских мест, где тоже, однако, бывало, доживали до ста лет. Что же касается частых браков среди родственников, то сами старики подтрунивали над подобным характерным для деревенских жителей обстоятельством.

– Что ж, – говорили старики, сидя в чайхане, покуривая дешевые сигареты, в ожидание, когда остынет чай. – Мы народ ленивый, медлительный, не привыкли далеко ходить, любим пользоваться тем, что поближе: деремся с двоюродными братьями, женимся на двоюродных сестрах...

Так что, в этом отношении, вроде все пока было в порядке вещей. Село было далеко от приграничной с соседней республикой-агрессором полосы, но напряженное военное состояние, точнее – противостояние, в котором находилась страна, естественно, ощущалось и тут, очень даже ощущалось: молодые люди, ушедшие на военную службу из села и прослужившие в прифронтовой зоне возвращались ранеными снайперами противника, один из них с ампутированной ногой, двое получили смертельные ранения и скончались от пули врага, все не желавшего угомониться на чужой захваченной земле. И сыновья Джавида воевали, не явились исключением: младшие из них, несмотря на то, что к началу войны их возраст перешагнул призывной, добровольцами пошли на войну, чтобы отвоевать захваченные врагом земли, и счастливо воевали, ничего с ними не случилось, ангел хранил их. Но война есть война, ничего в ней радостного не может быть, она приносит только печаль и страдания, и эта новая война естественным образом стирала и отодвигала в далекое прошлое воспоминания Джавида о той, большой войне, где он много пережил, где побывал в плену, где совершил побег из концлагеря фашистов, где попал в итальянское сопротивление, нашел друга и вместе с ним, плечом к плечу храбро, с честью сражался с фашистами, сражался, как за свою землю, за свою свободу, за что и поплатился после окончания войны, арестованный как дезертир, попавший в окружение, в плен, пришлось отсидеть в лагерях и за это; но вскоре положение изменилось, реабилитировали, амнистировали, выпустили... Не могу понять, к чему в то, что собираюсь рассказать вторгся подобный публицистический тон... да ладно... Итак, о чем?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.